

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 69—89.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 69—89.

Научная статья

УДК 331(091)(47).084.6

DOI: 10.46725/IW.2022.4.4

ИНТЕЛЛИГЕНТ В СОВЕТСКОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЕ НАЧАЛА 1930-х гг.: «ПЕНСИОННАЯ ИСТОРИЯ» А. А. ДОСТОЕВСКОГО

Марина Анатольевна Жиркова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, manp@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Ольга Владимировна Капустина

Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по
Владимирской области, Владимир, Россия, olga.kapustina209@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Аннотация. Актуальность работы определяется тем, что изучение биографий отдельных представителей интеллигенции в контексте деятельности государственных систем позволяет оценить масштабные исторические события с точки зрения обычного человека. Авторами поставлена задача: исследование пенсионных проблем А. А. Достоевского (1863—1933), племянника писателя, на фоне исторических событий начала 1930-х гг. В качестве основных источников использованы хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации документы о его пенсионном обеспечении.

Первоначально Академия Наук СССР выступила с ходатайством о назначении Андрею Андреевичу академической пенсии за выслугу лет, отклоненное из-за недостаточности советского научного стажа. Повторно Академия Наук ходатайствовала об установлении ученому персональной пенсии союзного значения, которая, требуя наличия исключительных заслуг перед государством, не устанавливала дополнительных условий в отношении стажа. В результате рассмотрения документов было вынесено условное заключение о возможности назначения претенденту пенсии данного вида с учетом его собственных научных трудов и факта родства с Ф. М. Достоевским. Тем не менее, в итоге А. А. Достоевскому назначили

наименее престижную пенсию по инвалидности второй группы на общем основании. Причиной этого послужил факт его ареста в 1930 г. по «Академическому делу». Сегодня документально подтверждена посмертная реабилитация А. А. Достоевского в 1989 г. Однако в исследуемых документах, со ссылкой на его собственное жизнеописание, приводятся сведения о реабилитации в 1931 г. с правом проживания в Ленинграде.

Таким образом, несмотря на освобождение из мест заключения, подозрения в нелояльности к советской власти не позволили установить Андрею Андреевичу персональную пенсию. Но совсем без государственной материальной поддержки он не был оставлен, возможно, в этом сыграло свою роль родство с Ф. М. Достоевским. В заключении авторы делают вывод о том, что советская пенсионная система начала 1930-х гг. во многом зависела от политической конъюнктуры, и обращают внимание на оставшийся без решения вопрос о первичной реабилитации племянника писателя.

Ключевые слова: ученый, академическая пенсия, выслуга лет, персональное пенсионное обеспечение, инвалидность, размер пенсии, «Академическое дело», реабилитация

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «пенсионная история» А. А. Достоевского // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 69—89.

Original article

AN INTELLECTUAL IN THE SOVIET PENSION SYSTEM OF THE EARLY 1930S: “PENSION HISTORY” OF A. A. DOSTOEVSKY

Marina A. Zhirkova

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia,
manp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Olga V. Kapustina

State institution — Branch of the Pension Fund of the Russian Federation for the Vladimir Region, Vladimir, Russia, olga.kapustina209@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Abstract. The relevance of the work is determined by the fact that the study of the biographies of individual representatives of the intelligentsia in the context of the activities of state systems allows us to evaluate large-scale

historical events from the point of view of an ordinary person. The authors set the task: the study of pension problems of A. A. Dostoevsky (1863—1933), the writer's nephew, against the backdrop of the historical events of the early 1930s. Documents on his pension provision stored in the State Archive of the Russian Federation were used as the main sources.

Initially, the Academy of Sciences of the USSR filed a petition for granting to Andrei Andreevich an academic pension for long service, which was rejected due to the lack of Soviet scientific experience. The Academy of Sciences repeatedly petitioned for fixing a personal pension of federal significance for the scientist, which, while requiring exceptional services to the state, did not establish additional conditions for the length of service. After the documents were considered, a conditional conclusion was made on the possibility of assigning a pension of this type to the applicant, taking into account his own scientific works and the fact of kinship with F. M. Dostoevsky. However, in the end, A. A. Dostoevsky was assigned the least prestigious pension on disability of the second group on a general basis. The reason for this was the fact of his arrest in 1930 on the “Academic Case”. A. A. Dostoevsky was posthumously rehabilitated in 1989. However, in the studied documents, with reference to his own biography, information about his rehabilitation in 1931 with the right to live in Leningrad is provided.

Thus, despite his release from places of detention, suspicions of disloyalty to the Soviet authorities did not allow to grant Andrei Andreevich a personal pension. But he was not left completely without state material support, perhaps his kinship with F. M. Dostoevsky played a role in this. In conclusion, the authors state that the Soviet pension system of the early 1930s largely depended on the political situation, and draw attention to the unresolved issue of the primary rehabilitation of the writer's nephew.

Key words: scientist, academic pension, length of service, personal pension provision, disability, pension amount, “Academic case”, rehabilitation

For citation: Zhirkova, M. A. and Kapustina, O. V. (2022), ‘An intellectual in the Soviet pension system of the early 1930s: “pension history” of A. A. Dostoevsky’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 69—89 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Изучение биографий отдельных представителей интеллигенции в контексте деятельности государственных систем позволяет оценить масштабные исторические события с точки зрения обычного человека. Особый интерес представляют

судьбы тех из них, что связаны родственными узами с выдающимися деятелями российской культуры.

Постановка вопроса. В данной работе предпринята попытка исследования проблем пенсионного обеспечения А. А. Достоевского (1863—1933) — племянника Ф. М. Достоевского, сына его младшего брата, Андрея Михайловича (1825—1897), возникших в период решения вопроса об установлении ему пенсии на фоне исторических событий начала 1930-х гг. Андрей Андреевич Достоевский — широко образованный ученый, высоконравственный человек, принимавший активное участие в судьбах родственников и сослуживцев, попавших в кризисные ситуации. Нам предстоит выяснить, какие пенсионные возможности предоставляло советское государство в заявленный период представителям интеллигенции, и как повлиял на пенсионные права племянника писателя факт его ареста по «Академическому делу».

Историографический обзор. Судьба Андрея Андреевича не осталась без внимания исследователей. Основные этапы его жизненного пути отражены в «Хронике рода Достоевских», где представлены краткие биографические сведения, а также связанные с его именем отрывки из писем, дневников, воспоминаний [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012]. Заслуживает внимания биографический очерк С. В. Белова, посвященный столетию со дня рождения племянника писателя [Белов, 1963]. Автор делает акцент на его заслугах в качестве ученого-географа (за активное участие в капитальном труде П. П. Семенова-Тян-Шанского, посвященном истории Русского географического общества, А. А. Достоевский был удостоен серебряной медали); подчеркивает такие качества его характера, как скромность, исполнительность, аккуратность, честность, отзывчивость. По данным биографа, А. А. Достоевский в годы Гражданской войны нес обязанности по обеспечению семейств умерших членов Русского географического общества продовольствием, контролировал предоставление льгот [Белов, 1963: 373].

О своем родственнике рассказывает правнук Ф. М. Достоевского — Дмитрий Андреевич [Достоевский, 2007], отмечая, что между вдовой писателя и его племянником сложились очень теплые отношения. Именно к нему А. Г. Достоевская обращалась с просьбой повлиять на свою дочь. Андрей Андреевич

искренне переживал в связи с выходом за рубежом книги воспоминаний Любои Федоровны об отце, считая, что она искажает реальные факты. Он также был душеприказчиком всех завещаний вдовы писателя. «Чудесный Вы человек и истинный наш друг!» — слова Анны Григорьевны, обращенные к нему [Достоевский, 2007: 569].

Об участии племянника писателя в защите памяти Федора Михайловича от обвинений в «ставрогинском» грехе, сделанных литературным критиком Н. Н. Страховым, пишет И. С. Андрианова, опять-таки подчеркивая дружбу Андрея Андреевича с вдовой [Андрианова, 2015a]. Письма Анны Григорьевны, адресованные А. А. Достоевскому, представлены в журнале «Неизвестный Достоевский» [Андрианова, 2015b]. Переписка касается защиты доброго имени писателя от клеветы в известном письме критика к Л. Н. Толстому, а также финансовых вопросов, связанных с публикацией романа Любои Федоровны «Адвокатка».

И. Д. Якубович, рассказывая о вкладе ученых Пушкинского Дома в развитие достоевсковедения, не забывает и о роли А. А. Достоевского, предоставившего материалы для выставки, посвященной столетию со дня рождения писателя, и сдавшего в Рукописный отдел Пушкинского Дома собрание писем и воспоминаний своего отца и брата писателя, Андрея Михайловича [Якубович, 2007: 4—5]. Исследователь придает большое значение работе Андрея Андреевича по подготовке и публикации книги воспоминаний отца, которую он снабдил вступительной статьей, комментариями и семейной перепиской, заметив, что «Воспоминания А. М. Достоевского стали основным источником сведений о детских годах жизни Ф. М. Достоевского в Москве» [Якубович, 2007: 6].

В статье Е. Ю. Выставкиной изучен биографический очерк А. А. Достоевского о П. П. Семенове-Тян-Шанском, который родственники путешественника считают лучшим. На стилистике и содержании очерка сказалось личное отношение Андрея Андреевича к исследователю Центральной Азии, с которым он был дружен, а также то, что и сам автор очерка являлся профессионалом-географом [Выставкина, 2012].

Краткие биографические сведения о А. А. Достоевском содержатся в справочнике «Ученые — фондообразователи

Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук» с указанием занимаемых им в разные периоды должностей и списка его основных научных трудов [Июдо, 2019].

Также имя А. А. Достоевского упоминается в материалах «Академического дела» [Академическое дело, 2015а: 115; Академическое дело, 2015b: 1383, 1440] и в соответствующих исследованиях [Перченко, 1995: 212, 224].

Таким образом, основное внимание ученых уделено профессиональной деятельности племянника писателя и его взаимоотношениям с родственниками Ф. М. Достоевского. Подробности пенсионного обеспечения Андрея Андреевича остались вне их поля зрения. Единственное упоминание А. А. Достоевского в контексте исследования проблем персонального пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца принадлежит одному из авторов данной работы [Капустина, 2021].

Источниковедческий обзор. В качестве основных источников в работе использованы хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) документы, в которых рассматривался вопрос о возможности установления А. А. Достоевскому персональной пенсии за его собственные заслуги в совокупности с заслугами его великого дяди, а именно: «Заключение по ходатайству Академии Наук Союза ССР о назначении персональной пенсии А. А. Достоевскому»¹, подготовленное консультантом Елинером (инициалы не указаны) 11 октября 1931 г., и Выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР от 13 декабря 1931 г. № 27, подписанная А. Енукидзе². Кроме этого, нами проанализированы советские нормативные акты 1920—1930-х гг., позволяющие понять реалии пенсионного обеспечения того времени, и свидетельства современников о последних годах жизни племянника писателя, в том числе о сложной ситуации, в которой он оказался в начале 1930-х гг.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4—5 (далее: ГА РФ).

² ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 1.

Методология и методы исследования

Прежде всего, авторы руководствуются принципами историзма, системности и научной объективности. Историко-биографический метод позволяет увидеть, как один факт биографии советского гражданина в определенный исторический период может повлиять на его гражданские, в том числе пенсионные права. При помощи сравнительно-правового метода мы выявляем общие и специфические нормы пенсионного обеспечения различных категорий советских граждан в начале 1930-х гг.

Основная часть

Накануне «пенсионной истории»

На момент революции 1917 г. А. А. Достоевский, ученый-географ, статистик, действительный член Русского географического общества, был уже немолодым человеком (54 года). Тем не менее, основным источником средств его существования оставался заработок. Трагический эпизод его жизни связан с Пушкинским Домом, сотрудником которого он являлся в 1925—1930 гг.

В 1920-е гг. В. С. Нечаева, директор первого музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве, встречалась с Андреем Андреевичем и вспоминала о нем так: «Специальность статистика, служба чиновником в Министерстве внутренних дел, одинокая жизнь <...> — все это наложило своеобразный отпечаток на шестидесятилетнего старика, каким я его впервые увидела в маленькой квартирке на Почтамтской улице. Образ А. А. Достоевского у меня как-то невольно ассоциировался с представлением о типичных петербургских чиновниках царского времени <...>. Бритый подбородок и усы, немножко старомодная, очень любезная, но всегда какая-то официально вежливая и осторожная речь, не отражающая ни положительных, ни отрицательных эмоций» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 623].

В 1930-м г. в доме на улице Союза Связи, бывшей Почтамтской, с ним поселился внук Ф. М. Достоевского, тоже Андрей, который с юмором описывал быт академика-дяди, чисто «буржуазный», с шелковыми одеялами, уютной кошкой, с комическими подробностями о дядиной экономке; с большим сарказмом представлял заседание Географического общества, на которое

привлек его дядя, живо рисовал тогдашний его состав — «траченных молью» старичков и дам в «бывших бальных платьях» на «“бывших” фигурах» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 625]. Однако спокойная жизнь вскоре закончилась.

Процессы «огосударствления и идеологизации», «полного переустройства науки» [Перченко, 1995: 202, 203], внедрения в ряды «буржуазной» науки ученых-марксистов и формирования нового коммунистического сознания привели к тому, что началась чистка рядов Академии наук, сопровождаемая изъятием архивных документов. Первые аресты состоялись в 1929 г., в 1930-м году прокатилась следующая волна. 14 ноября 1930 г. Андрей Андреевич Достоевский был арестован НКВД по обвинению в том, что он состоял членом контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», возглавляемого директором Пушкинского Дома академиком С. Ф. Платоновым («Академическое дело»). Согласно данным биографов, 10 февраля 1931 г. А. А. Достоевский был осужден «тройкой» ПП ОГПУ и проговорен к пяти годам концлагерей. Проживавший вместе с осужденным двоюродным дядей Андрей Федорович Достоевский сообщил о случившейся беде А. В. Луначарскому. Благодаря помощи А. В. Луначарского и М. И. Калинина произошел пересмотр дела. Позднее внук писателя вспоминал: «Накануне 1 мая 1931 г. Андрей Андреевич явился домой в арестантской одежде» [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 626]. Уже после его возвращения, 30 мая 1931 г., постановлением коллегии ОГПУ по пересмотру дела определено приговор считать условным. 30 июня 1989 г. он реабилитирован (посмертно) как жертва репрессий, имевших место в период 1930—40-х и начала 50-х гг. [Богданов, Тихомиров, Новожилова, 2012: 625].

А вот как об этом же в Заключении о праве на пенсию, ссылаясь на Андрея Андреевича, пишет консультант Елинер: «А. А. Достоевский в своем жизнеописании сообщает, что с преобразованием в ноябре 1930 года Пушкинского Дома в Институт Новой Русской Литературы он был освобожден от работы в Пушкинском Доме и тогда же арестован и, что в феврале 1931 года Тройкой ПП ОГПУ осужден на пять лет концлагеря, но через два месяца

после приговора (в апреле 1931 года) был реабилитирован и возвращен на свободу с правом проживать в Ленинграде»³.

В соответствии с действовавшей в тот период Инструкцией Всероссийского Совета Социального Страхования при НКТ РСФСР «О порядке лишения пенсии и пособия по безработице»⁴ лица, приговоренные к принудительным работам или осужденные условно, не лишались права на получение пенсии, если они не были лишены этого права на тот или иной срок специальным указанием в приговоре суда. Таким образом, А. А. Достоевский в принципе мог претендовать на пенсию, будучи условно осужденным без оговоренного в приговоре пункта о лишения пенсии. Или, если верить ему самому, первичная реабилитация все же имела место в 1931 г. Тем не менее, после описанных событий его здоровье оказалось подорванным, и в сентябре 1933 г. А. А. Достоевский скончался от воспаления легких [Белов, 1963: 373]. Поэтому вся «пенсионная история» А. А. Достоевского по времени уложилась в период с 1 мая 1931 г. (момент освобождения) по 13 сентября 1933 г. (дата смерти).

Характеристика советской пенсионной системы начала 1930-х гг.

Любая пенсионная система представляет собою совокупность институтов и норм, обеспечивающих установление и выплату пенсий определенным категориям лиц в зависимости от имеющихся приоритетов и финансовых возможностей. Советское пенсионное обеспечение довоенных лет в связи с недостаточностью финансирования (в частности, рост доходов социального страхования во второй половине 1920-х гг. еще не покрывал рост расходов⁵) было чрезвычайно прагматичным и поддерживало тех своих граждан, которые с точки зрения государства приносили наибольшую пользу для его защиты, развития народного хозяйства

³ Там же. Л. 4—4 об.

⁴ О порядке лишения пенсии и пособия по безработице, выдаваемых органами социального страхования: Инструкция Всероссийского Совета Социального Страхования при НКТ РСФСР от 23 апреля 1930 г. № 65 // Известия НКТ СССР. 1930. № 17—18.

⁵ ГА РФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 303. Л. 2.

или решали некие тактические задачи (например, борьба медиков с эпидемиями).

В 1931 г. на момент рассмотрения вопроса о пенсионном обеспечении А. А. Достоевского параллельно действовало несколько нормативных актов, регулирующих «возрастное» пенсионное обеспечение советских граждан. Наиболее многочисленными категориями трудящихся Советского Союза пенсионировались в соответствии с «Положением о пенсиях и пособиях по социальному страхованию»⁶, согласно которому все лица, работающие по найму, имели право на пенсию по инвалидности в случае наступления у них стойкой нетрудоспособности, в том числе по причине старческой дряхлости. На пенсию по старости в начале 1930-х гг., т. е. во время двух первых пятилеток, могли претендовать только рабочие. На служащих пенсионное обеспечение по старости распространили с 1 августа 1937 г.⁷ Пенсии, установленные на основании Положения 1930-го г., если они не были назначены по причине трудового увечья или профессионального заболевания, а также за работу под землей или в горной промышленности, назывались пенсиями на общих основаниях. Пенсия по старости назначалась в размере не менее половины прежнего заработка пенсионера от работы по найму. При этом средний размер зарплаты рабочего в промышленности и на транспорте в 1928 г. был равен 70,24 руб. [Головин, 2008: 179].

Возвращаясь к пенсиям по инвалидности, которые могли быть назначены гражданам преклонного возраста, не являющимся рабочими, нужно сказать, что в СССР до 1932 г. существовала шестигрупповая система. Первая группа устанавливалась нетрудоспособным лицам, нуждающимся в постоянном постороннем уходе, вторая — нетрудоспособным, которые могли себя обслуживать самостоятельно. Группы с третьей по шестую — гражданам, сохранившим остаточную трудоспособность. Согласно

⁶ Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 11. Ст. 132.

⁷ Об улучшении государственного социального страхования для служащих: Постановление СНК СССР от 31 июля 1937 г. № 1232 // СЗ СССР. 1937. № 19. Ст. 203.

Положению 1930 г., инвалиду первой группы пенсия назначалась в размере его полного заработка от работы по найму, если инвалидность наступила вследствие несчастного случая, связанного с работой по найму, или вследствие профессионального заболевания; в размере не менее двух третей его заработка от работы по найму, если инвалидность наступила вследствие других причин. Инвалидам прочих групп пенсия назначалась «в пониженных размерах в зависимости от групп инвалидности, к которым они отнесены»⁸. По данным наркома соцобеспечения РСФСР И. А. Наговицына, на 1 апреля 1927 г. среднемесячные нормы пенсий для инвалидов второй группы составляли 14 руб. 21 коп.⁹ Справедливости ради нужно сказать, что в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.) расходы на социальное страхование выросли и ежегодное увеличение средней годовой нормы пенсий по первым трем группам инвалидности, согласно пятилетнему плану, должно было составить 4—5 %. В частности, плановая годовая норма по 2-й группе инвалидности без надбавок в 1931—32 гг. равнялась 240 руб.¹⁰

Следующим видом пенсионного обеспечения, предназначенным для лиц преклонного возраста, являлось обеспечение за выслугу лет, требующее выработки определенного стажа в наиболее значимых для советского государства областях деятельности: в 1925 г. были введены пенсии для педагогических работников, в 1929 г. — для медицинских и ветеринарных работников сельских местностей и рабочих поселков. Пенсия им устанавливалась при наличии 25 лет выслуги и обычно не достигала ста рублей. Например, в 1931 г. размер пенсий оставивших работу учителей и сельских врачей составлял половину средней месячной заработной платы за последние 12 месяцев до назначения пенсии. При этом «в 1932 году <...> ставки для учителей начальной

⁸ Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г.

⁹ Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

¹⁰ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р1166. Оп. 1. Д. 24. Л. 6—6 об.

школы были установлены от 69 до 115 руб., для педагогов средней школы от 106 до 164 руб.» [Ерохина, 2016: 20].

Важность научных исследований для развития советского народного хозяйства обусловило появление пенсий за выслугу лет для ученых, иначе «академических» пенсий, уже в 1924 г. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) устанавливал право на пенсионное обеспечение для научных работников вузов без уточнения конкретного пенсионного возраста при наличии двадцатипятилетней выслуги лет и по достижении 65 лет — при десятилетней¹¹. В 1930 г. права ученых были еще раз конкретизированы¹². Как и прежде сотрудникам вузов и научных учреждений полагалось выработать 25 лет научного стажа, однако пенсионное обеспечение в 65-летнем возрасте требовало отработать десять лет именно при советской власти. В перечне претендентов на академическую пенсию значились: штатные профессора и преподаватели вузов; действительные члены и научные сотрудники (первого и второго разрядов) научных учреждений РСФСР, состоящие как на государственном, так и на местном бюджете; штатные преподаватели рабочих факультетов; преподаватели советско-партийных школ. Высокий статус академических пенсий подтверждала процедура их установления: право на такую пенсию рассматривалось состоящей при Народном Комиссариате Социального обеспечения (НКСО) РСФСР Комиссией по назначению персональных пенсий. В первой половине 1930-х гг. академические пенсии получали: Н. М. Чернышевская-Быстрова (внучка писателя, директор музея его имени) — 125 руб. в месяц до декабря 1935 г.¹³; бывший хранитель Пушкинского Дома Н. Е. Рейнбот — 200 руб. с 25 апреля 1932 г.¹⁴ В 1937 г. академическая пенсия также в размере 200 руб. в месяц

¹¹ Положение о научных работниках высших учебных заведений: Декрет СНК РСФСР от 21 января 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 7. Ст. 44.

¹² Положение об обеспечении пенсиями за выслугу лет научных работников высших учебных заведений и научных учреждений РСФСР, преподавателей рабочих факультетов и приравненных к ним школьных работников: Постановление СНК РСФСР от 16 марта 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 16. Ст. 200.

¹³ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. Р3316. Оп. 25. Д. 765. Л. 5.

была назначена вдове старшего внука А. С. Пушкина — А. П. Зейлих-Пушкиной¹⁵.

Наиболее престижными в советском государстве являлись персональные пенсии, устанавливаемые за особые заслуги в области революционной, государственной, общественной, хозяйственной или культурной деятельности, ставшие составной частью советской системы привилегий [Мэтьюз, 1992: 58]. С конца 1920-х гг. внутри советской пенсионной системы стала формироваться трехуровневая автономная система (подсистема) персонального пенсионного обеспечения: союзного, республиканского и местного значения¹⁶. Однако введенные в 1928 г. союзные пенсии, предполагающие повышенные размеры пенсий и увеличенный пакет льгот, в начале 1930-х гг. еще не получили широкого распространения. Зачастую союзные республики поощряли своих выдающихся граждан самостоятельно. В 1931 г. персональные пенсии республиканского значения (РСФСР) ежемесячно получали: актриса МХАТа О. Л. Книппер-Чехова (жена писателя)¹⁷ и Я. Э. Дзержинская (сестра наркома)¹⁸ в размере 150 руб.; художник К. С. Петров-Водкин — 225 руб.¹⁹; Д. И. Ульянов (брат В. И. Ленина) — 300 руб.²⁰ В середине 1930-х гг. — начале 1940-х гг. многие пенсионеры республиканского значения, заслуги которых сочтут наиболее значимыми для советского государства, будут переведены на союзные пенсии.

Размеры персональных пенсий, как союзных, так и республиканских, определялись компетентными органами (Советом

¹⁵ Там же. Ф. А539. Оп. 4. Д. 7887. Л. 10.

¹⁶ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 25. Ст. 325; О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 637. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 28. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1121. Л. 7 об.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 9248. Л. 1 об.

Народных Комиссаров СССР, Комиссией при НКСО РСФСР) в каждом отдельном случае в зависимости от характера заслуг претендентов, степени утраты ими трудоспособности, степени нуждаемости и количества подлежащих обеспечению членов семьи. Ограничение устанавливалось на уровне полуторного размера основной высшей ставки тарифа ответственных политических работников для соответствующей местности (в 1925 г. наивысшая ставка ответственного партработника составляла 175 руб. [Мэтьюз, 1992: 49]). Впрочем, существовали и исключения.

Последним вариантом пенсионного обеспечения престарелых советских граждан в исследуемый период являлись пенсии по случаю потери кормильца (СПК) за умерших или погибших супругов, родителей и даже детей. Нормы этого вида пенсий зависели от категории, к которой относился умерший кормилец: являлся ли он рабочим, сотрудником научного учреждения или имел исключительные заслуги перед государством. Основное условие назначения пенсий по СПК — нахождение претендента на иждивении умершего кормильца, иначе, на его полном содержании. Единственным исключением были персональные пенсии, в ряде случаев игнорирующие это условие.

Рассмотрение вопроса о назначении пенсии А. А. Достоевскому

Как было сказано выше, основным документом, содержащим сведения о пенсионных проблемах А. А. Достоевского, является Заключение по ходатайству Академии Наук СССР, подготовленное консультантом Елинером в октябре 1931 г. Согласно этому документу, первоначально Академия наук ходатайствовала о назначении племяннику писателя академической пенсии, однако установление пенсии этого вида требовало четкого выполнения условий. Народный Комиссариат Финансов (НКФ) в июле 1931 г. отклонил ходатайство «о назначении пенсии Достоевскому, как научному сотруднику за выслугой лет, за недостатком у Достоевского установленного постановлением СНК РСФСР от 16 марта 1930 года (СУ 1930 года № 16, ст. 200) научного стажа. <...> Из предоставленной копии трудового списка Достоевского видно, что в Пушкинском доме он состоял научным сотрудником

1-го разряда с 1 ноября 1925 года по 16 ноября 1930 года»²¹, т. е. всего пять советских лет вместо требуемых десяти.

Второе ходатайство Академии наук, подготовленное ее неперменным секретарем, было составлено о назначении Андрею Андреевичу персональной пенсии, причем союзного значения. Так как персональные пенсии назначались за заслуги претендента или его умершего кормильца перед государством, при этом термин «заслуги» не конкретизировался, возможность персонального пенсионного обеспечения существовала: «А. А. Достоевский — племянник писателя Ф. М. Достоевского. Ему 68 лет. К ходатайству прилагаются официальные справки и характеристика А. А. Достоевского и его работ, составленная Президентом Академии Наук. <...> Поскольку работа А. А. Достоевского протекала в учреждениях, близких к столь авторитетному в научном отношении, как Академия Наук СССР, самый факт ходатайства последней о назначении Достоевскому персональной пенсии, несомненно, уже является компетентным подтверждением наличия требуемых законом особых заслуг»²².

По существовавшей практике, если при определении права на персональную пенсию выяснялось, что у кандидата имеются какие-либо сложности с законом или с советской властью в целом, к изучению проблемы привлекались компетентные юристы-консультанты. Именно поэтому в документах претендента появляется Заключение Елинера о назначении персональной пенсии А. А. Достоевскому.

В результате всестороннего исследования документов претендента консультант высказывает мнение о возможности назначения А. А. Достоевскому персональной пенсии союзного значения. Свой вывод он объясняет весьма эмоционально: «А. А. Достоевский является не только работником, особые заслуги которого признаны высшим научным учреждением страны, но и носит имя (писателя) прославленное и как культурная гордость страны, и как мученика за свободу, поскольку то и иное разрешение вопроса получает уже не только юридическое, но и политическое значение: акт справедливости по отношению к работнику, до потери сил трудившемуся, сливается с актом

²¹ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4.

²² Там же. Л. 4 об.

посмертной признательности великому писателю и мученику за свободу со стороны высшего выразителя общественного мнения Первой в мире социалистической страны»²³. Далее автор Заключения раскрывает субъективный характер персонального пенсионного обеспечения: «этот акт, по своему исключительному характеру, не должен быть связан обычными рамками законов, что отнюдь не противоречит общему смыслу закона о персональных пенсиях. Самое понятие персональной пенсии предполагает индивидуальный подход и закон, перечисляя категории персональных пенсионеров, прямо предоставляет Совнаркому Союза ССР возможность расширения этих категорий»²⁴.

Консультант рекомендовал назначить племяннику писателя пенсию с учетом статьи 3 и пункта «в» статьи 6 союзного закона от 30 мая 1928 г., т. е. «согласно особому в каждом случае постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР»²⁵. Впрочем, несмотря на все эмоции, консультант называет свое заключение условным: «При даче этого заключения имелось в виду, что Академия наук, представляя А. А. Достоевского к персональной пенсии, исследовала на месте вопрос о реабилитации последнего. Поэтому, если в Ученом Комитете нет положительных сведений о мотивах постановления о пересмотре дела А. А. Достоевского, необходимо затребовать от ПП ОГПУ копию соответствующего постановления»²⁶.

Следующий документ подводит итоги «пенсионной истории» Андрея Андреевича. Выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР от 13 декабря 1931 г. № 27, подписанная А. Енукидзе, гласит: «Просить СНК СССР назначить пенсию А. А. Достоевскому на общем основании»²⁷. На этом же документе имеется пометка от 19 января 1932 г.: «НКТ труда сделал распоряжение Ленинградской страхкассе о назначении пенсии по инвалидности по 2 группе»²⁸, т. е. в результате всех разбирательств

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 4 об.—5.

²⁵ О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же.

на самом высшем уровне Андрею Андреевичу вместо персональной пенсии союзного значения была установлена пенсия на общих основаниях.

Заключение

Подводя общие итоги, нужно сказать, что период бюрократической процедуры рассмотрения пенсионных прав А. А. Достоевского растянулся с лета 1931 г. (в июле первый отказ) до января 1932 г. (назначение пенсии по инвалидности 2 группы). Интересно, что при определении права на установление пенсии учитывались как заслуги самого претендента, так и заслуги его знаменитого родственника, что говорит о присутствии в «пенсионной истории» Андрея Андреевича элементов пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

В результате А. А. Достоевский спустился по трехступенчатой лестнице советских пенсионных возможностей: персональная пенсия, академическая пенсия (за выслугу лет), пенсия на общих основаниях — с самой верхней ступени до самой нижней. Несмотря на освобождение из мест заключения факт ареста по «Академическому делу» не позволил ему получить престижную пенсию, так как имело место подозрение в нелояльности к советской власти. В этом случае не смогло помочь даже ходатайство такого авторитетного учреждения как Академия наук Союза ССР. Таким образом, на примере злключения Андрея Андреевича можно увидеть зависимость советской пенсионной системы 1930-х гг. от политической конъюнктуры.

И все же Андрей Андреевич не получил отказа в установлении пенсии. Скорее всего, именно родственные связи с великим русским писателем не позволили советским чиновникам оставить А. А. Достоевского совсем без государственной материальной поддержки. Недостаточность пенсионного обеспечения косвенно подтверждена продолжением работы пенсионера в качестве технического сотрудника Гидрологического института.

В заключение нужно сказать, что пенсионные документы определили проблему, решение которой не найдено: возникает вопрос о документальном подтверждении факта первичной реабилитации А. А. Достоевского в 1931 г., упомянутой Елинером

в Заключении со ссылкой на предоставленное претендентом его «жизнеописание»²⁹. Хотя, возможно, Андрей Андреевич не совсем верно понял условия своего освобождения.

Список источников

- Академическое дело 1929—1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1 / сост. М. Лепехин. СПб.: Библиотека РАН, 2015а. 451 с.
- Академическое дело 1929—1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 3 / сост. М. Лепехин. СПб.: Библиотека РАН, 2015b. С. 1233—1642.
- Андреянова И. С.* «Клеветы Страхова», или протест вдовы и племянника Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. 2015а. Т. 2. № 3. С. 84—95.
- Андреянова И. С.* Письма А. Г. Достоевской к А. А. Достоевскому (1914—1915) // *Неизвестный Достоевский*. 2015b. Т. 2. № 3. С. 96—113.
- Белов С. В.* Андрей Андреевич Достоевский (К столетию со дня рождения) // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1963. Т. 95. Вып. 4. С. 371—373.
- Богданов Н. Н., Тихомиров Б. Н., Новожилова Е. В.* Ветвь Андрея Михайловича Достоевского // *Хроника рода Достоевских* / под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 620—627.
- Выставкина Е. Ю.* Андрей Андреевич Достоевский как биограф П. П. Семенова-Тян-Шанского: язык и стиль повествования // *Творчество Ф. М. Достоевского в непрощедшем времени России: материалы Всерос. науч. конф. Липецк, 6—7 апр. 2021 г.* Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 7—11.
- Головин А. С.* Имущественная дифференциация доходов населения в СССР в 1920—1930 гг. XX в. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 66. С. 177—186.
- Достоевский Д.* Достоевские в XX веке // *Достоевский и XX век* / под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 560—586.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4—4 об.

- Ерохина Е. П. «Работа учителя трудна и почетна»: уровень нагрузки и оплаты советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 18—22.
- Иодко О. В. Достоевский Андрей Андреевич // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: Г-И / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб.: «Реноме», 2019. С. 110—111.
- Капустина О. В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 404—420.
- Мэтьюз М. Становлением системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 45—61.
- Перченко Ф. Ф. Дело «Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: сб. ст. / сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева. М.: Наука, 1995. С. 201—235.
- Якубович И. Д. Достоевский в Пушкинском Доме // Достоевский: материалы и исследования / отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 3—26.

References

- Andrianova, I. S. (2015a), ‘“The Slander of Strakhov”, or the protest of Dostoevsky’s widow and nephew’, *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], vol. 2, no. 3: 84—95.
- Andrianova, I. S. (2015b), ‘Letters of A. G. Dostoevskaya to A. A. Dostoevsky’, *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], vol. 2, no. 3: 96—113.
- Belov, S. V. (1963), ‘Andrey Andreevich Dostoevsky (On the centenary of his birth)’, *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], vol. 95, iss. 4: 371—373.
- Bogdanov, N. N., Tikhomirov, B. N. and Novozhilova, E. V. (2012), ‘The branch of Andrei Mikhailovich Dostoevsky’, in Volgin, I. L. (ed.) *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family], Fond Dostoevskogo, Moscow, Russia: 620—627.

- Dostoevskii, D. (2007), 'Dostoevsky in the twentieth century', in Kasatkina, T. A. (ed.), *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the XX century], vol. 1, Institut mirovoi literatury Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia: 560—586.
- Erokhina, E. P. (2016), "'The work of a teacher is difficult and honorable": the level of workload and payment of a Soviet teacher in the 1930s (based on the materials of Mordovia)', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 5: 18—22.
- Golovin, A. S. (2008), 'Property differentiation of income of the population in the USSR in 1920—1930. XX century', *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian Herzen State Pedagogical University], no. 66: 177—186.
- Iodko, O. V. (2019), 'Dostoevsky Andrey Andreevich', in Basargina, E. Yu., Tunkina, I. V. (eds), *Uchenye — fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk: Kratkii biograficheskii spravochnik: G-I* [Scientists — fund-creators of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief biographical guide: G-I], "Renome", St. Petersburg, Russia: 110—111.
- Kapustina, O. V. (2021), 'Features of personal pensions of relatives of prominent citizens in the pre-war years', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii* [Vestnik of St. Petersburg University. History], vol. 66, iss. 2: 404—420.
- Lepekhin, M. (comp.), (2015a), *Akademicheskoe delo 1929—1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic case of 1929—1931: documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU], iss. 9, Obvinenie. Prigovor. Reabilitatsiia, part. 1, Biblioteka RAN, St. Petersburg, Russia.
- Lepekhin, M. (comp.), (2015a), *Akademicheskoe delo 1929—1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic case of 1929—1931: documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU], iss. 9, Obvinenie. Prigovor. Reabilitatsiia, part. 3, Biblioteka RAN, St. Petersburg, Russia.
- Matthews, M. (1992), 'The formation of the system of privileges in the Soviet Union', *Voprosy istorii* [Questions of history], no. 2—3: 45—61.
- Perchenok, F. F. (1995), 'The case of the "Academy of Sciences" and the "great turning point" in Soviet science', in Arefieva I. G. (ed.) *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR*

- [Tragic fates: repressed scientists of the USSR Academy of Sciences], Nauka, Moscow, Russia: 201—235.
- Vystavkina, E. Yu. (2021), 'Andrey Andreevich Dostoevsky as the biographer of P. P. Semenov-Tyan-Shansky: language and style of narration', in Kondrat'ev, A. S., Popova, E. A. (eds), *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v neproshedshe vremeni Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchoi konferentsii* [The work of F. M. Dostoevsky in the Non-past tense of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference], Lipetsk, Russia, 6—7 April 2021, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. P. Semanova-Tian-Shanskogo, Lipetsk: 7—11.
- Yakubovich, I. D. (2007.) 'Dostoevsky in Pushkin House', in Budanova, N. F. and Yakubovich, I. D. (eds), *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and research], vol. 18, Nauka, St. Petersburg, Russia: 3—26.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторах / Information about the author

М. А. Жиркова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия.

О. В. Капустина — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по Владимирской области, Россия.

М. А. Zhirkova — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, St. Petersburg, Russia.

О. V. Kapustina — Candidate of Science (History), Deputy Head of Department, State institution — Branch of the Pension Fund of the Russian Federation for the Vladimir Region, Vladimir, Russia.